

Куклин Н.С.*
ИСЛАМСКИЙ ВЕКТОР ВО ВНЕШНЕЙ
И ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ ИНДОНЕЗИИ:
ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА.
(Статья первая)**

DOI: 10.31249/rimm/2021.03.06

***Аннотация.** Индонезийская внешняя политика на исламском направлении часто рассматривается с позиций религиозности элит и их солидарности с «братьями по вере», однако история развития индонезийской государственности и особенности индонезийского ислама показывают, что исламский вектор долгое время отождествлялся элитами с антиколониальным и антиимпериалистическим дискурсом и лишь на современном этапе стал обретать черты дискурса политического ислама.*

***Ключевые слова:** Индонезия; Панча Сила; Сукарно; ислам Нусантара; дипломатия.*

Индонезия сегодня является крупнейшим по численности населения мусульманским государством (около 225 млн человек), однако официально не позиционирует себя как мусульманское государство, в соответствии с моделью религиозного баланса, закреплённой в Панча Сила – официальной идеологии и философии страны, разработанной еще первым президентом страны – Сукарно (1945–1968). Панча Сила провозглашает традиционные для народов Индонезии принципы социальной справедливости и коллективного общежития¹. И по сей день Панча Сила выступает объе-

* Куклин Н.С., сотрудник кафедры теории и истории международных отношений РУДН, e-mail: kuklin-ins@rudn.ru

© Куклин Н.С., 2021

** Данная статья подготовлена в рамках научного проекта (гранта) РФФИ «Аспиранты» № 20-314-90007 «История внешней политики Индонезии 1998–2019 гг. с точки зрения цивилизационного подхода и комплексных региональных исследований».

¹ Панча Сила или Панчасила (санскр. Пять принципов) – официальная индонезийская философская доктрина, закреплённая Сукарно в Конституции страны 1945 г. Состоит из следующих принципов:

- 1) вера в единого Бога;
- 2) справедливая и цивилизованная гуманность;
- 3) единство страны;
- 4) демократия, направляемая разумной политикой консультаций и представительства;
- 5) осуществление социальной справедливости для всего народа Индонезии.

динительным инструментом, закрепляющим территориальную целостность, языковую и национальную индонезийскую идентичность и правило религиозного баланса. Все эти составляющие чрезвычайно важны для уникальной индонезийской модели государственности. Сукарно, а затем и последующие президенты внесли значительный вклад в объединение полиэтнического и многоконфессионального общества. Продуманная политика на данном направлении привела к формированию особого индонезийского менталитета толерантности, где межконфессиональная дружба ценится превыше всего, а заявления о превосходстве той или иной религии порицаются и рассматриваются как радикализм и посягательство на основы государственности¹. Помимо 87,2% мусульман-суннитов в стране проживает 6,9% протестантов, 2,9% католиков, 1,7% индуистов, 0,7% буддистов и 0,05% конфуцианцев, не считая атеистов и представителей каких-либо иных конфессий². Ислам по большей части распространен на островах Суматра, Ява, Калимантан, Сулавеси, Ломбок, Сумба и Молукка. На таких островах, как Бали или Папуа, распространены индуизм и христианство соответственно³.

Мусульманская община Индонезии неоднородна, так как имеет свои особенности внутреннего развития. В этой связи важно обратить внимание на специфику индонезийского ислама. Главная его особенность касается разделения индонезийского ислама на традиционалистский (адатный) и модернистский (шариатский). Под традиционалистами подразумеваются сторонники адатного (синкретического варианта ислама под влиянием яванских элементов этнической культуры, доисламских языческих и индуистских верований) «ислама Нусантара», а модернисты, наоборот, являются ревнителями шариатского образа жизни, отказа от яванских элементов культуры и духовной жизни доисламского периода⁴. При этом последователи этих течений в одинаковой мере следуют

¹ *Banyu Perwita A.A.* Indonesia and the Muslim World Islam and Secularism in the Foreign Policy of Soeharto and Beyond // A.A. Banyu Perwita (Ed.). – Copenhagen : NIAS, 2017. – P. 103.

² Religion in Indonesia. Indonesia Investment. 16.03.2021 // <https://www.indonesia-investments.com/culture/religion/item69> (дата обращения: 24.05.2021 г.).

³ *Arsheim H.* Making Religion and Human Rights at the United Nations // H. Arsheim. – Berlin : De Gruyter, 2018. – P. 144.

⁴ *Saleh F.* Modern Trends in Islamic Theological Discourse in 20th Century Indonesia. A Critical Study // F. Saleh (Ed.). – Leiden : Brill Academic Publishers, 2001. – P. 46.

шафиитскому мазхабу. Несмотря на доминирование яванцев-традиционалистов в политике, мусульмане-модернисты, равно как и христиане с индуистами, также широко представлены в ней¹.

Основные течения ислама в стране представляют крупнейшие в мире (каждая по 30 млн членов) мусульманские организации «Нахдатул Улама» (для традиционалистов) и «Мухаммадия» (для модернистов), которые очень влиятельны и образуют, наряду с государственными институтами, определенную систему социального управления. Так, например, Нахдатул Улама осуществляет образовательную деятельность через сеть из более чем 6830 исламских школ-интернатов (*pesantren*) по всей стране. Организации также принадлежат 44 университета и множество исследовательских центров в сфере экономики, исламских финансов, сельского хозяйства, социальной политики и планирования семьи². Организация финансирует мусульманские общины в США, на Тайване и в Европе, одновременно помогая беженцам из стран Ближнего Востока. Не меньшее число учреждений принадлежит и «Мухаммадии».

С момента провозглашения независимости страны в 1945 г. мусульманские организации и партии были активны в политическом поле и способствовали развитию мусульманской общины как одной из политических сил. В разное время они занимали противоположные позиции по отношению к государственной системе – от принятия модели социального и религиозного баланса до требований исламизации внутренней и внешней политики³. Однако первые президенты – Сукарно, а затем и Сухарто (1968–1998) – изначально заняли осторожную позицию по этому вопросу и долгое время не позволяли индонезийской дипломатии использовать ислам как основу для внешней политики. Рост влияния исламских партий и организаций после падения режима Сухарто в 1998 г. и политизации исламского вопроса в мире после терактов 11 сентября 2001 г. в США вновь актуализировали так называемый исламский вектор во внешней политике Индонезии, при котором Индонезия негласно рассматривает себя как «лидера не-арабских

¹ *Shiraishi T.* An Age in Motion Popular Radicalism in Java, 1912–1926 // *T. Shiraishi* (Ed.). – Ithaca, NY : Cornell University Press, 1990. – P. 25.

² *Bush R.* Nahdlatul Ulama and the Struggle for Power Within Islam and Politics in Indonesia // *R. Bush* (Ed.). – Singapore : Institute of Southeast Asian Studies, 2009. – P. 20.

³ *Assyaukanie L.* Islam and the Secular State in Indonesia // *Assyaukanie L.* (Ed.). – Singapore : Institute of Southeast Asian Studies, 2005. – P. 189.

мусульман» и постепенно вводит исламский дискурс во внешнюю политику.

С другой стороны, высокая степень коллективизма в индонезийском обществе и широкое общественное внимание к вопросам политики делают опасным «заигрывание» с политическим исламом и внешними инфоповодами, которые давали бы почву для усиления политической платформы консервативных партий и движений, стремящихся к исламизации страны и отмене идеологии Панча Сила¹. Сложность данной политической модели, а также ее прочная связь с религиозной сферой часто способны ввести исследователя, не знакомого со страновыми особенностями, в заблуждение относительно мотивов и основ индонезийской дипломатии на исламском направлении. Отсюда логичным представляется рассмотреть роль ислама во внешней политике в зависимости от внешних и внутренних вызовов на различных этапах становления современной индонезийской государственности.

Особенности реализации исламского вектора при президенте Сукарно (1945–1968)

Дальновидность президента Сукарно определялась не только его внутренним взглядом на устройство индонезийского общества и балансом социально-политических сил. Ключевой внешнеполитической идеей Сукарно выступила политика нейтралитета как попытка защиты молодых государств региона Юго-Восточной Азии от процессов холодной войны и вовлечения Индонезии в мировое противостояние в рамках того или иного лагеря. И сразу же после провозглашения независимости Индонезия обозначила принципиальные позиции во внешней политике. Наличие своей модели госстроительства позволило Сукарно в некоторой степени защитить страну и регион от экспорта идеологий извне, усилив скорее развитие националистических тенденций стран региона, выгодных для национального строительства, процветания элит и довольства народа при высоком уровне стабильности².

¹ *Banyu Perwita A.A.* Indonesia and the Muslim World Islam and Secularism in the Foreign Policy of Soeharto and Beyond // A.A. Banyu Perwita (Ed.). – Copenhagen : NIAS, 2017. – P. 45.

² *Sabir M.* Politik bebas aktif tantangan dan kesempatan // M. Sabir (ed.). – Jakarta: Haji Masagung, 1987. – P. 85.

В 1948 г. премьер-министр Индонезии М. Хатта (1948–1950) произнес речь под названием «Лавируя между двумя камнями», в которой обозначалась позиция Индонезии в холодной войне. Так, М. Хатта выдвинул тезис о том, что, проводя свою внешнюю политику, Индонезия должна руководствоваться только собственными интересами, а не интересами сверхдержав.

Предложенная Хаттой доктрина получила название «Доктрина активной независимости» и до сих пор выступает основой индонезийской внешней политики. Под «независимостью» подразумевалось, что Индонезия намерена самостоятельно определять собственную позицию по отношению к мировым проблемам, без давления и влияния извне; «активность» же предполагала участие Индонезии в конструктивных усилиях, которые помогут выстраивать и сохранять мирные отношения со всеми государствами¹. Индонезия сыграла поистине выдающуюся роль в создании Движения неприсоединения, приняв в 1955 г. Бандунгскую конференцию 29 государств Азии и Африки, что позволило Сукарно изолировать регион от процессов холодной войны и заложить основу для регионального лидерства Индонезии и ее активной и независимой внешней политики.

Подобное значимое положение Индонезии ставило Сукарно в один ряд с другими вождями Движения неприсоединения, такими как Джавахарлал Неру, Иосип Броз Тито, Гамаль Абдель Насер и Кваме Нкрума. Сукарно, в свою очередь, опирался на имидж революционера и освободителя как внутри страны, так и во внешних делах. Важным вызовом для себя он видел борьбу с мировым империализмом и колониализмом через передачу опыта Индонезии другим освободившимся странам. В дальнейшем антиколониальная риторика Сукарно получила развитие и в рамках палестино-израильского и арабо-израильского конфликтов. Еще с момента образования Государства Израиль в 1948 г. Сукарно выразил поддержку арабскому народу, настаивая на очевидности позиции новообразованного Израиля как проводника неоколониальных интересов США.

Сукарно говорил о единении мусульман и солидарности, но его изначальная мотивация состояла в антиимпериалистическом характере действий Индонезии, что подтверждается аналогичным

¹ *Weinstein F.B.* Indonesian Foreign Policy and the Dilemma of Dependence. From Sukarno to Soeharto // *F.B. Weinstein* (Ed.). – Sheffield : Equinox Publishing, 2007. – P. 215.

отказом Сукарно поддержать независимость Тайваня в пользу новообразованной КНР, где вопроса о религиозной солидарности не стояло вовсе.

Такая необходимость в заявлениях о религиозной солидарности требовалась Сукарно для внутренней повестки в качестве средства привлечь внимание вышеупомянутых мусульманских организаций, так как еще в период, предшествующий официальной независимости, индонезийцы были известны на Ближнем Востоке через взаимодействие с такими центрами ислама, как Священные города Мекка и Медина, а также через участие множества индонезийцев в программах обучения Университета Аль-Азхар в Каире.

Свою роль индонезийцы, проживающие в арабских странах, сыграли и в период войны за независимость, убедив Лигу арабских государств (ЛАГ) выступить в поддержку независимости Индонезии в ООН, основываясь на единстве религии и чувстве братства арабских народов и народа Индонезии. В 1946 г. египетский дипломат и первый Генеральный секретарь ЛАГ Аззам-паша (1945–1952) поддержал выход официального заявления в поддержку Индонезии, а в 1947 г., с его же подачи, Генеральный консул Египта в Бомбее Мухаммад Абдул Муним посетил мятежную столицу индонезийских повстанцев – город Джокьякарта¹.

Однако внутренняя сложная политическая ситуация и опасения Сукарно по усилению исламского блока не позволяли президенту в открытую использовать исламскую риторику, и одновременно с этим в диалоге с ЛАГ Сукарно не отказывался от мусульманской солидарности.

В дальнейшем, ещё до потери Сукарно власти в результате подавления военными прокоммунистического переворота 30 сентября 1965 г., президент продолжал следовать своей антиколониальной риторике на израильском направлении, воздерживаясь от происламских позиций в своих заявлениях. Из этого также следует, что Сукарно увязывал религиозную тему именно с внутренней политикой. Последующее образование Малайзии и объявление ее страной исламской основы в качестве доминанты своего развития убедили Сукарно еще больше сосредоточиться на разработке объединительных концепций, как, например: NASAKOM (акроним, составленный на основе индонезийских слов NASionalisme (На-

¹ Fogg K.W. Indonesia's Islamic Revolution // K.W. Fogg (Ed.). – Cambridge : Cambridge University Press, 2019. – P. 214.

ционализм), Agama (Религия) и KOMunisme (Коммунизм)), или НЕКОЛИМ (неоколониализм, колониализм и империализм). Сформировался общественный запрос на практические действия по преодолению экономического кризиса и последствий политики абстрактных акронимов Сукарно, что позволило военным в лице генерала Сухарто захватить власть и отстранить Сукарно.

Исламское направление во внешней политике президента Сухарто (1968–1998)

В эпоху режима Нового порядка Сухарто (1968–1998) Индонезия продолжала ту же политику в отношении Ближнего Востока, при этом США, в связи с переориентацией Сухарто на экономические отношения с Западным блоком, более не считались потенциальным врагом, однако необходимость поддержания нейтралитета позволяла Сухарто лавировать в вопросах, связанных с исламом и арабским миром в целом. Несмотря на поддержку религиозными организациями последующих гонений на коммунистов, Сухарто ограничил и эти силы, сократив число исламских партий (как и партий других идеологий), определив в качестве основной силы развития государства – военных и чиновников в рамках Панча Сила.

Показательна при этом реакция Индонезии на нефтяной кризис 1973 г. В тот период индонезийские власти заявляли, что поддержка Индонезией арабских стран против Израиля основана на справедливости (*dasar keadilan*), которая является принципом внешней политики страны, а религиозная солидарность лишь дополняет это решение.

Индонезия поддержала использование арабскими странами нефтяного эмбарго в качестве инструмента внешней политики, но одновременно надеялась, что конфликт будет разрешен в ближайшее время. Индонезийские власти также заявляли, что использование нефти в качестве оружия в краткосрочной перспективе нанесет вред США, Европе и Японии и поможет борьбе арабов, «однако если эмбарго будет использоваться в течение длительного периода времени, развивающиеся страны пострадают, потому что экономические отношения с развитыми странами необходимы для роста развивающихся стран»¹.

¹ *Sukma R. Islam in Indonesian Foreign Policy // R. Sukma (Ed.). – London, NY : Routledge, 2008. – P. 41.*

Позиция Сухарто по Палестине также строилась на антиколониальной риторике. Так, Сухарто 30 ноября 1987 г. вновь объявил об индонезийской поддержке Палестины в ее борьбе за достижение своих неотъемлемых прав. Он также заявил, что «...как нация, гордящаяся своим наследием борьбы против колониального подчинения и за национальную независимость, мы в Индонезии всегда считали борьбу палестинцев священным делом, как нашу собственную борьбу, как часть необратимого глобального движения против колониального господства и чужеземцев»¹.

Он также уточнил, что ближневосточный конфликт может быть решен только в том случае, если палестинскому народу будет предоставлено собственное независимое государство, а Израиль безоговорочно уйдет со всех оккупированных арабских территорий, включая Иерусалим. Ранее в 1975 г. министр иностранных дел при Сухарто Адам Малик (1966–1978) обсуждал возможность открытия представительства ООП в Джакарте, но столкнулся с противодействием военных. Последние опасались одновременно двух факторов: первый – это связи ООП с исламскими радикальными группами, второй – их хорошие отношения с международным коммунистическим движением и левыми радикалами. Опасения также были вызваны общим ростом исламского дискурса, так как на Всеобщих выборах 1971 г. результаты голосования среди индонезийцев за рубежом показали высокий уровень поддержки Индонезийской мусульманской партии и организации Нахдатул Улама.

Таким образом, даже на основании этого факта, мы можем судить о растущем в тот период исламском лобби, к которому Сухарто под конец своего правления все больше был вынужден прислушиваться, о чем говорит его неопределенность по югославскому конфликту и вопросу помощи мусульманам в Боснии (1992), так как Индонезия заняла позицию поддержки мусульманского населения, при этом не спешила использовать свой потенциал и положение в ОИК и в Движении неприсоединения.

Индонезия выразила солидарность по поводу тяжелого положения боснийских мусульман, наряду с другими мусульманскими странами, но министр иностранных дел Али Алатас (1988–1999) от-

¹ Alles D. Transnational Islamic Actors and Indonesia's Foreign Policy // D. Alles (Ed.). – London : Taylor & Francis, 2015. – P. 54.

метил, что «поддержка не обязательно означает отправку индонезийских миротворцев»¹.

Таким образом, Сухарто еще в большей степени кодифицировал допустимые и недопустимые дипломатические действия, связанные с теми направлениями внешней политики, где ислам мог выступать основой для какой-либо аргументации.

Период реформации и рост влияния исламских партий (1998–2004)

После свержения Сухарто в 1998 г. в результате общенационального кризиса к власти пришли ранее подавляемые элиты из демократического (националистического) и религиозного спектра. Основав новые политические партии, они включились в процесс демократизации страны, в очередной раз опираясь на самобытные принципы и основы государственности. Демократизация осуществлялась через последовательное введение новых принципов во внутренней и внешней политике. В основном, они касались реагирования на текущие потребности общества в рамках преодоления Азиатского финансового кризиса 1998 г. и политической власти военного режима, но при этом учитывали и необходимость возврата к старым принципам времен Сукарно. Недолгий срок правления администрации Абдурахмана Вахида (1999–2001), религиозного лидера Нахдатул Улама, который отметил, что первым вывел исламские партии из тени. Вахид интересен продуманной политикой умиротворения и диалога внутри страны и необычным стилем внешней дипломатии. Проверкой на прочность для дипломатической системы администрации Вахида стало известное сближение с Израилем.

После того как в 1994 г. министр иностранных дел Израиля Шимон Перес пригласил Вахида стать свидетелем открытия «Центра мира Переса», он совершил несколько поездок в Израиль и стал все более известен своей защитой Израиля. В августе 2000 г. он вновь встретился с Пересом, когда тот инкогнито посетил его в Джакарте перед запланированным визитом Ясира Арафата. Обоим политикам он рассказал о своем видении Иерусалима как совместной столицы Израиля и независимого палестинского государства и публично призвал Арафата не отказываться сразу же от предложе-

¹ *Suryadinata L. Islam and Suharto's Foreign Policy: Indonesia, the Middle East, and Bosnia // Asian Survey / L. Suryadinata (Ed.). – 1995. – Vol. 35(3). – P. 291–303.*

ния, сделанного Эхумом Бараком в Кэмп-Дэвиде в июле 2000 г.¹ Вахид также призывал мусульманские общины к компромиссу с Израилем, утверждая, как богослов, что с религиозной точки зрения у иудеев и мусульман нет препятствий к мирной жизни и поиску консенсуса.

Однако деятельность Абдурахмана Вахида на израильском направлении встретила сопротивление как со стороны парламента, так и со стороны общества. Например, многочисленные уличные демонстрации на гражданском уровне и угроза парламентского бойкота со стороны законодателей вынудили Акбара Танджунга, спикера парламента, объявить, что израильская делегация не будет присутствовать на конференции Межпарламентского союза в Джакарте в 2000 г. Народная агитация подогревалась и израильско-палестинской напряженностью того периода.

Вскоре непоследовательная политика Вахида, несмотря на многие его достижения, привела к его отстранению, и выбор был сделан в пользу лидера Демократической партии борьбы Индонезии – Мегавати Сукарнопутри (2001–2004).

Необходимость Мегавати реагировать на теракты 11 сентября 2001 г. в США, серия терактов на Бали в 2002 г. и рост радикального исламизма в мятежной сепаратистской провинции Ачех повлияли на стремление Мегавати к формированию позиции Индонезии в отношении вопросов ислама и развивающейся исламофобии. Сложность выражения Индонезией своей позиции заключалась в опасениях президента вызвать бурную реакцию радикальных групп и дать им дополнительный ресурс для пропаганды за пределами Индонезии. Рост влияния террористических группировок внутри страны, а также появление фундаменталистских групп независимых (от Министерства по делам религий или крупных организаций) проповедников также превращали любое высказывание властей в потенциальное орудие пропаганды. Исходя из этой ситуации, Индонезия выдвинула главный тезис о том, что терроризм в основном связан с экономическими и социальными причинами, которые для своей выгоды используют радикалы. Также Индонезия с осуждением выступила по вопросу исламофобии, призывая не сравнивать всех мусульман с отдельными исла-

¹ Barton G. Abdurrahman Wahid Muslim, democrat, Indonesian president: A view from the inside // G. Barton (Ed.). – Sydney : University of New South Wales Press, 2002. – P. 289.

мистами¹. При этом акцент Мегавати был сделан на двустороннем сотрудничестве и роли международных организаций в борьбе с терроризмом, не затрагивая возможности религиозных сил и потенциал межконфессионального диалога.

Несмотря на рост влияния исламских политических сил и партий, реформация не внесла серьезных изменений в позиции руководства по вопросам использования исламского дискурса во внешней политике. Но международная обстановка и влияние исламских политических партий привели к возникновению большего интереса к этому вопросу в информационном пространстве, а также среди народа и политиков.

Современное состояние исламского направления во внешней политике Индонезии (2014–2020)

При президенте Сусило Бамбанг Юдойоно (2004–2014) опыт Индонезии в области экономического развития, политических реформ и борьбы с исламистским терроризмом позволил стране говорить о проблемах, с которыми сталкивается мусульманский мир. В своем выступлении в Саудовской Аравии президент Юдойоно рассмотрел многие проблемы, среди которых была исламофобия. Он утверждал, что мусульмане должны реагировать на вызовы современности, принимая «технологии современности и культуру передового опыта»². Президент также отметил, что ислам – это не только религия мира, но также и прогресса, таким образом призывая, с одной стороны, к возрождению ислама, с другой – просил своих братьев-мусульман принять глобализацию, обратиться к немусульманам и сотрудничать в борьбе с терроризмом³.

Такая позиция Юдойоно определенно была не менее новаторской, чем позиция Гус Дура (почетное обращение к президенту. – *Ред.*), по признанию Израиля. Впервые Индонезия заговорила глобально об исламе и подошла к решению этого вопроса с новых

¹ Day T. Identifying with Freedom Indonesia After Suharto / T. Day (Ed.). – NY : Berghahn Books, 2007. – P. 105.

² Williams M.S. Yudhoyono's Third Way: Muslim Democracy, National Stability, and Economic Development in Indonesia. // Indonesia's Ascent. Critical Studies of the Asia Pacific Series / Roberts C.B., Habir A.D., Sebastian L.C. (Eds.). – London : Palgrave Macmillan, 2015. – P. 70.

³ Куклин Н.С. Реакция Индонезии на признание Иерусалима столицей Израиля со стороны США // Диалог цивилизаций: Восток – Запад. – Москва : Изд-во РУДН, 2018. – С. 416–430.

позиций, в большей мере отражающих традиционный для Индонезии синкретизм. На данные действия можно взглянуть по-разному.

Во-первых, они были направлены на мировое мусульманское сообщество в попытке повлиять на его идеи и действия. Индонезия с того периода продвигала идею о том, что существует множество интерпретаций ислама, и необходимо бороться с тенденцией сведения всей исламской традиции к радикальным течениям. По мнению Юдойоно, ислам, современность и демократия могут сосуществовать, что важно для консолидации политических сил внутри собственной страны¹.

Во-вторых, такие заявления, безусловно, были адресованы внутренней аудитории с целью продвижения современного дискурса – демократического, толерантного – для ослабления влияния экстремистов и радикальных групп.

В-третьих, такие выступления нацелены на западную аудиторию; в частности, срок пребывания на посту президента Юдойоно совпал с пиком американских усилий по продвижению демократии на Ближнем Востоке при президенте Дж. Буше, а также с призывом президента Б. Обамы к новому старту в отношениях США с мусульманским миром. Умелая дипломатия периода Юдойоно способствовала восприятию Индонезии как демократической страны западного образца. Фактор «умеренного» ислама и соответствующего образа страны как антипода «грозного» Ближнего Востока способствовал росту популярности Индонезии на Западе, как альтернативы для развития исламского мира.

Несмотря на снижение интереса США к Индонезии при Д. Трампе, последний визит госсекретаря М. Помпео (октябрь 2020 г.) ясно дал понять, что США запомнили образ умеренной Индонезии и продолжают оценивать страну в тех рамках, которые задал Юдойоно. В предвыборной кампании президента Джоко Видодо в 2014 г. по-прежнему содержались многочисленные ссылки на доктрину независимой и активной внешней политики Индонезии, а также высказывались необходимость поддержки палестинского народа и призывы к Индонезии продвигать «срединную» версию ислама. Джоко Видодо упоминал межрелигиозный диалог в качестве платформы для продвижения индонезийской «мягкой силы», но он всегда находился на периферии политики Индонезии.

¹ *Aspinall E. Yudhoyono Presidency* // E. Aspinall, M. Mietzer, D. Tomsa (Ed.). *Indonesia's Decade of Stability and Stagnation*. – Singapore : Institute of Southeast Asian Studies, 2016. – P. 181.

Отсюда не исключено, что ограничения принципа внешнего баланса на исламском направлении наложат свои лимиты на использование межрелигиозного диалога как инструмента внешней политики.

Общественное мнение по вопросам, связанным с проблемами мусульманского мира, может сдерживать внешнюю политику Индонезии. Когда США переместили свое посольство в Израиле в Иерусалим, площадь перед американским посольством в Индонезии стала местом массовых уличных протестов¹. Кроме того, Индонезия опротестовала заявление Австралии в декабре 2018 г. о своем плане следовать примеру США и отложила подписание соглашения о свободной торговле с Австралией до тех пор, пока Канберра не объявила о своей поддержке решения о создании двух государств со столицей Палестины в Восточном Иерусалиме. Индонезия традиционно поддерживала независимость Палестины, но в эпоху Сукарно и Сухарто дипломаты оправдывали эту позицию антиколониализмом и светскими ценностями, а не религией. Сегодня, когда индонезийское общество всё более подвержено популистским тенденциям, Индонезия стремится использовать именно исламскую риторику, но продолжает делать это крайне осторожно. Индонезия неоднократно предлагала свои услуги, чтобы помочь в урегулировании разногласий между ООП и ХАМАС, но исходила не из религиозных мотивов солидарности, а из старого положения о том, что главный урок ее собственной битвы за независимость заключается в том, что единство является главной и необходимой предпосылкой для независимости².

Исламский фактор, таким образом, проявляется в современной внешней политике Индонезии в двух основных формах. Во-первых, это выражается в стремлении к более тесным отношениям с мусульманским миром. Это желание, в первую очередь, вызвано стремлением укрепить экономические связи с богатыми государствами Персидского залива, и отчасти – желанием завоевать уважение мировой уммы как неарабской мусульманской силы. В любом случае на данном этапе больший интерес к укреплению отношений с исламскими странами связан скорее с ожидаемыми

¹ Куэлин Н.С. Реакция Индонезии на признание Иерусалима столицей Израиля со стороны США // Диалог цивилизаций: Восток – Запад. – Москва : Изд-во РУДН, 2018. – С. 420.

² Shekhar V. Indonesia's Foreign Policy and Grand Strategy in the 21st Century Rise of an Indo-Pacific Power // Shekhar V. (Ed.) – London : Routledge, 2018.

экономическими выгодами, чем с проблемой ислама как общей веры и проблемами, с которыми он сталкивается в сегодняшнем глобализирующемся мире.

Во-вторых, исламский фактор отражается в политике в отношении конфликтов, в которых мусульмане становятся жертвами, поскольку ислам предписывает солидарность между мусульманами. Традиционно этот импульс проявлялся, в основном, в политике Индонезии в отношении Ближнего Востока, особенно в поддержке независимости Палестины, противодействии вторжению в Афганистан в 2001 г., противодействии войне в Ираке 2003 г. и осуждении применения силы Израилем против Ливана и в секторе Газа.

Это также повлияло на политику Индонезии в отношении преследования рохинджа и уйгуров в Мьянме и КНР соответственно. При этом вопросы поддержки единоверцев сталкиваются с политическим прагматизмом – необходимостью сохранения единства АСЕАН и выгодных экономических отношений с Китаем, нужных для реализации инфраструктурных проектов. С другой стороны, нейтралитет Индонезии допускает проявление жесткой позиции там, где затрагиваются национальные интересы или ценности, важные для индонезийского народа, среди которых ислам занимает не последнее место. Например, будучи председателем СБ ООН в 2019–2020 гг., Индонезия принципиально стремилась привлечь внимание ООН к проблеме рохинджа и ближневосточному урегулированию, определяя эту организацию как важный инструмент в решении проблем уммы¹.

Очередным новшеством индонезийской дипломатии стало вынесение на площадку СБ ООН и ОИС вопросов прав мусульманских рабочих из ЮВА в странах Ближнего Востока. Ранее, 29 октября 2018 г., в Саудовской Аравии казнили гражданку Индонезии Тути Турсилавати за убийство в результате самозащиты при домогательствах². Суд не учел нападения на саму девушку, а ее казнь была проведена без какого-либо уведомления властей Индонезии, что было не первым случаем. Подобная жесткая политика КСА в отношении индонезийских мигрантов напрямую связана со

¹ *Arsheim H. Making Religion and Human Rights at the United Nations* // H. Arsheim. – Berlin : De Gruyter, 2018. – P. 122.

² *Indonesia Protests Saudi Arabia's Execution of Maid*. 01.11.2018 // <https://www.nytimes.com/2018/11/01/world/asia/indonesia-maid-executed-saudi-arabia.html#:~:text=Tuti%20Tursilawati%2C%20a%20mother%20of,defending%20herself%20from%20sexual%20assault> (дата обращения: 24.05.2021 г.).

спором двух центров ислама за лидерство в умме, что провоцирует стороны к подобным шагам. Индонезия стремится к широкому освещению таких случаев зачастую с позиций «защиты мусульман в мусульманских же странах».

Заключение

Таким образом, мы можем прийти к выводу о том, что исламский фактор во внешней политике Индонезии играет не такую очевидную роль, как может показаться по причине большой численности мусульманского населения и внимания, уделяемого правительством этим вопросам. Значительную роль в формировании взглядов народа и индонезийской элиты играют предыстория развития ислама на Малайском архипелаге, высокая роль адатных типов ислама и самобытные подходы к пониманию религии, среди которых имеет место синкретизм. Национальная идеология – философия Панча Сила – также направлена на реализацию в обществе принципа равенства, толерантности и баланса, что удерживает мультиконфессиональное и полиэтническое общество Индонезии от распада и вводит свои ограничения на использование во внешней политике исламских принципов и основ. Тем не менее крупнейшие в мире мусульманские организации и духовные связи индонезийских мусульман по всему миру всегда помогали Индонезии не только в решении проблем межрелигиозного диалога, но и в реализации важных дипломатических целей, например, в период войны за независимость (1945–1949).

Политический ислам в Индонезии также прошел долгий путь – от поддержки исламского пути развития страны на начальных этапах образования индонезийского государства до поддержки Панча Сила и единства Индонезии в наши дни. С началом нового столетия основной задачей правительства стала необходимость практически моментального реагирования на рост радикализма и появления террористов на территории страны. В то же время Индонезия не могла не осудить и растущую исламофобию, и действия стран Запада, частично основанные на этом тренде. В итоге это привело к стремлению Индонезии концептуализировать исламское пространство, обозначить свои позиции, опираясь на самобытность и идеологию терпимости, умеренности и синкретизма по отношению к глобализации. Индонезия более не могла опираться на светскую или антиколониальную риторику периода Сукарно и Сухарто.

Так, Индонезия заявила о себе как о центре неарабских мусульман и своего рода «альтернативе» ближневосточным подходам и взглядам на развитие уммы. Также это проявилось в необходимости интернационализации «духовного ресурса» Индонезии, включения организаций и богословов в международный дискурс. Индонезия по-прежнему осторожно подходит к реализации исламской повестки по причине опасений за внутривосточную ситуацию в аспекте предоставления площадки как консервативным религиозным силам, так и радикалам, с которыми, однако, ведется уверенная борьба, в том числе силовая. Индонезия жестко выступает за подавление и уничтожение террористических групп и является одной из самых успешных стран на этом направлении.

Очевидно, что характерная для Индонезии стабильность внешнеполитического курса и его умеренность сохранятся и в дальнейшем, даже если к власти придут военные или религиозно-ориентированные силы. Индонезия напоминает здесь соревновательную фракционную модель принятия решения США, когда все фракции, независимо от их победы или поражения на выборах, имеют определенный ресурс влияния на общеполитический вектор развития страны. Индонезия продолжит концептуально подходить к транслированию своих взглядов на умму в мировом поле, используя кризисы и проблемы современного общества в качестве мотиваторов и факторов эффективной работы собственной мягкой силы, а также способов повышения авторитета среди мусульман.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир»*

Белинский А.В.*
«ИГРА ПРЕСТОЛОВ».
ЛИВАНСКИЕ КЛАНЫ И ГОСУДАРСТВО В ФРГ

DOI: 10.31249/rimm/2021.03.07

***Аннотация.** В статье рассматривается процесс криминализации прибывших в ФРГ в начале 1980-х годов ливанских кланов. Отмечается,*

* Белинский А.В., кандидат политических наук, старший научный сотрудник, отдел проблем европейской безопасности, ИНИОН РАН, e-mail: belinski_andrei@mail.ru